

УДК 1(091)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-2/104-110>

О.А. Матвейчев*

РУССКАЯ МЫСЛЬ XVII–XVIII вв. О СЛАВЯНСКОЙ ПРАРОДИНЕ

Статья представляет собой обзор взглядов российских мыслителей XVII–XVIII вв. на проблему славянской прародины. Автор рассматривает дунайскую гипотезу («Повесть временных лет»), доминировавшую в русской исторической мысли в XII–XIX вв., гипотезу отсутствующей прародины (И. Гизель), малоазийскую гипотезу (В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов) и отмечает, что в исторической науке XVIII в. вопрос о славянской прародине еще не имел самостоятельного значения и решался в рамках более актуальной с точки зрения политической конъюнктуры проблемы происхождения древнерусского государства.

Ключевые слова: русская философия, русская история, славянская прародина, национальная идеология

Russian thought of the 17th and 18th centuries on the Slavic homeland. OLEG A. MATVEYCHEV (Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)

The article presents an overview of the views of Russian thinkers of the XVIIth and XVIIIth centuries on the issue of the Slavic homeland. The author examines the Danube basin hypothesis («Russian Primary Chronicle»), which dominated Russian historical thought from XIIth to XIXth centuries, the hypothesis of the missing homeland (I. Giesel), the Asia Minor hypothesis (V.N. Tatishchev, M.V. Lomonosov) and notes that in the XVIIIth century historical thought of Russia the issue of the Slavic homeland had no independent significance and was treated within the more politically relevant issue of the origin of Russian state.

Keywords: Russian philosophy, Russian history, Slavic homeland, national ideology

Вопрос о прародине, т.е. территории первоначального расселения того или иного этноса, решался в разные эпохи в зависимости от множества факторов – политических, идеологических, культурных, религиозных. Вплоть до XVIII в. в европейском интеллектуальном пространстве господствовала идея о том, что колыбель человечества

находится в Палестине, как это представлялось в Ветхом Завете. Соответственно, и праязыком человечества считался язык Библии – древнееврейский. Впрочем, и в Средние века, и в Новое время появлялись и альтернативные теории этногенеза, нередко как результат двоеверия в странах, достаточно поздно принявших христианство.

* МАТВЕЙЧЕВ Олег Анатольевич, кандидат философских наук, профессор кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, matveyol@yandex.ru

© Матвейчев О.А., 2024

Вполне фантастическую версию происхождения северных народов и их богов предложил исландский скальд и историограф Снорри Стурлусон. В прологе к «Младшей Эдде» он дает пересказ христианской легенды о сотворении мира и появлении человечества, вплетая в него элементы нордической мифологии. Оказывается, боги скандинавского пантеона были потомками правителей Трои – города, находящегося «вблизи середины земли». Родоначальником асов был Тор, внук Приама и сын Мемнона. От него через 12 поколений родился Один, и было ему пророчество, «что его имя превознесут в северной части света и будут чтить превыше имен всех конунгов» [7, с. 13]. Тогда Один повел свой народ на север, в Саксонию, и по дороге все принимали их скорее за богов, чем за людей. «Асы взяли себе в той земле жен, а некоторые женили и своих сыновей, и настолько умножилось их потомство, что они расселились по всей Стране Саксов, а оттуда и по всей северной части света, так что язык этих людей из Азии стал языком всех тех стран» [7, с. 15].

Подобно Стурлусону, предками своих народов – франков, саксов, норманнов, бриттов – считали троянцев и некоторые другие средневековые историки, как и исландский скальд, знакомые с историей Илиона не по Гомеру (которого они не знали), а по «Дневнику Троянской войны» – мистификации, приписанной Диктису Критскому.

В XVI–XVII вв. в странах Северной Европы, стремившихся освободиться от культурного диктата Рима, начался поиск национальной идентичности. Именно тогда скандинавские ученые (Ю. Буре, Г. Штэрнфельм, О. Верелий, У. Рудбек, Т. Торфеус) вспомнили о другом, изрядно позабытом к тому времени греческом топониме – Гиперборее. Именно на эту легендарную страну они указывали как на прародину человеческого рода, и это не было невинной научной гипотезой. Здесь была вполне очевидная политическая подоплека: стремление обосновать старшинство своих стран (в первую очередь – Швеции), которые они опознавали в греческой Гиперборее, а, стало быть, их исключительную роль в мировой истории и «исторические права» на территории соседних стран.

Колыбелью народов – но не всех, а лишь славянских – объявил европейский Север и хорватский аббат М. Орбини. Славянство он рассматривал весьма широко, причисляя к нему и готов, и аваров, и аланов, и древних греков с

римлянами. По утверждению Орбини, славянское племя пошло от Иафета, старшего сына Ноя, после потопа удалившегося в Азию, и уже оттуда потомки его двинулись в Скандинавию, где «имели двести отчизн». «Когда потомки Иафета размножились столь сильно, что великая Скандинавия уже не могла их вместить, они ушли из нее, ... покорили всю Европейскую Сарматию, ... и позднее завоевали почти всю Европу, большую часть Азии и Африки» [8, с. 33, 35]. Аббат даже называет точную дату великого славянского исхода – 1460 г. до н.э. [8, с. 34].

На Руси догадки о существовании в древности единой прародины для всех славянских племен высказывал еще древний летописец Нестор: «Бѣ единъ языкъ словѣнскъ» [10, с. 15]. Проблема «этногенеза» славянских народов увязывалась в «Повести временных лет», как это было тогда принято, с библейским сюжетом о вавилонском столпотворении и разделении народов на семьдесят два языка. Среди них был, согласно Нестору, «и народ славянский, от племени Иафета – так называемые норрики, которые и есть славяне. Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели» [10, с. 144].

Тезис о нахождении прародины славян на реке Дунай был существенной ревизией византийского источника, на который опирался Нестор, – византийской хроники Георгия Амартола, в которой славяне напрямую не упоминались, но угадывались в варварах, угрожавших цивилизованным ромеям. Дунайская гипотеза господствовала в русской исторической мысли в течение многих веков, вплоть до XIX в.

Если Нестор, возведший славян к самому Иафету, пытался исправить историческую несправедливость и отвести славянскому племени достойное место в истории, то перед автором «Сказания о князьях Владимирских» (XVI в.) стояла задача укрепления авторитета великокняжеской власти. В этом произведении была приведена родословная рода Рюриковичей, которые, оказывается, происходили от легендарного Пруса – властителя Пруссии, родственника императора Октавиана Августа [11, с. 281–283]. Эта легенда, призванная подкрепить притязания Москвы на византийское наследие, позднее войдет в Воскресенскую летопись, Государев родословец и Степенную книгу и станет таким

образом официальной версией генеалогии русских князей. Известно, что Иван Грозный гордился своими «немецкими» предками, а в особенности – родством с римскими кесарями.

В 1674 г. в типографии Киево-Печерской лавры был издан т.н. Синописис Киевский, автором которого считается архимандрит лавры Иннокентий Гизель. В течение более чем ста лет эта книга будет служить основополагающим трудом по истории России. Тезис о единстве Руси ляжет в основу позднейших трудов В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского. Центральной темой Синописиса было единство Великой и Малой Руси, русского народа и государственной традиции. Поскольку Киев лишь относительно недавно вошел в состав Русского царства, автор был плохо знаком с летописями и пользовался в основном польскими источниками. По этой причине на страницах книги не нашлось места для мейнстримной для русской истории дунайской гипотезы. Вместе с тем Гизель, как и Нестор, удостоверяет происхождение славян от Иафета: «Славеноросский Христианский народ имат начало свойственного родства своего от Афета, Ноева сына, и честью благонароचितья породы своея от негоже, яко от отца, на своя чада изшедшею, от рода и в род, аки неким венцем присноцветущия славы украшаем, величается» [5, с. 49]. За славные дела, прежде всего, воинские народ этот был прозван славянами (здесь Гизель вводит в оборот этимологическую версию, которая будет популярна еще несколько столетий). Но было у него и другое название: россияне. По мнению автора Синописиса, это имя славяне приобрели «от *рассеяния* по многим странам племени своего, россеяны, а потом россы прозвашася» [5, с. 49].

Идея Гизеля много позже окажется созвучной концепциям отсутствующей прародины, согласно которым славяне были многолюдным народом, не имевшим общего для всех места расселения. Появляясь в том или ином месте Европы, славяне рассеивались среди более многочисленных народов, зачастую принимая их имена – кельтов, антов, венетов, скифов, сарматов, роксолан (с двумя последними народами отождествляет славян автор Синописиса, задавая широкую традицию в российской историографии). По этой причине этноним «славяне» фиксируется письменными источниками достаточно поздно – лишь в V–VI вв.

В XVIII в. в России начинает формироваться историческая наука. Историей России первоначально занимаются немцы – Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер и А.Л. Шлёцер. Подобно коллегам из европейских университетов, они придают особое значение критике источников, однако в полной мере беспристрастно заниматься этим не могут. Они опираются на сведения из античных и раннесредневековых текстов о народах Восточной Европы к северу от Причерноморья как о диких, варварских племенах. Они строят свои умозаключения на сообщении Нестора, что до принятия христианства славянские племена «жили звериным обычаем, жили по-скотски» [10, с. 147], не принимая во внимание заведомую тенденциозность подобных утверждений, сделанных в эпоху борьбы с язычеством, которое требовалось очернить и скомпрометировать. Как догма была воспринята и легенда Нестора о призвании варягов, на базе которой Байер развил т.н. норманскую теорию возникновения русской государственности, основы которой были заложены в начале XVII в. Петром Петреем де Ерлезундой [9]. Копья вокруг этой теории продолжают ломаться и по сей день.

Уроженец Кёнигсберга Г.З. Байер был приглашен в Петербургскую академию наук в 1726 г. в числе прочих зарубежных специалистов. В круг его интересов входила генеалогия русского государства, которой историк посвятил работу «О варягах». В ней он утверждал, что понятие «варяги» относилось к скандинавам дворянского происхождения, нанмававшимся на службу к русским в качестве воинов или гражданских управленцев [1, с. 8]. Байер доказывал свой тезис в т.ч. с помощью этимологии, объявляя имена древнерусских князей и дружинников искаженными скандинавскими. Так, в имени «Игорь» он слышит «Ингвар», «Ивар»; «Олег» – это, несомненно, «Олав»; и даже «Святослав» «от нормандского языка испорчено», а именно – от имени «Свен» [1, с. 16]. Само слово «варяг», по Байеру, – не что иное, как финско-эстонское «варас», «разбойник», в русском ему соответствует «вор» (будто спохватившись, Байер уточняет, что «разбойники» – слово не обидное: так называли встарь и воинов, а те «не токмо в свирепствах к насильству упражнялись, но и при случае к купечеству ума употребляли» [1, с. 40].

Попытка Байера произвести русские имена от германских корней возмутила М.В. Ломоносова, язвительно заметившего, что «подобным

образом заключить можно, что имя Байер происходит от русского *бурлак*», и выразившего сожаление, что, когда немецкий академик сочинял свой труд, рядом с ним не оказалось такого человека, который бы поднес ему к носу такой химический проницательный состав, от чего бы он мог очнуться [2, с. 31].

В 1749 г. другой немецкий историк, к тому времени уже принявший русское подданство, Г.Ф. Миллер приготовил речь для торжественного заседания Академии наук по случаю тезоименитства Елизаветы Петровны. В ней ученый пересказал своими словами дунайскую гипотезу прародины славян, снабдив ее выкладками Байера по варяжскому вопросу. По версии Миллера, до VI в. славяне жили на своей исконной территории в Придунавье, пока их не вытеснили оттуда византийцы. Тогда славяне пошли на Днепр, а затем на Ильмень, заняв земли полудиких финских племен, плативших дань варягам-скандинавам.

Миллер напоминает, что, согласно Несторовой летописи, само свое имя – «русь» – восточные славяне восприняли от норманнов, которых они пригласили собой править. В Скандинавии следы этого этнонима, однако, не обнаруживаются, зато у финнов есть слово «россалеине», которым они именовали шведов. «Новгородские славяне, услышав имя россов от финнов, оным всех из северных стран пришельцов нарицали, по чему и варяги от славян россианами названы. А потом и сами славяне будучи под владением варягов имя россиан приняли, подобным почти образом как галлы франками, и британцы агличанами именованы» [6, с. 396].

Название торжественной речи Миллера – «О происхождении народа и имени российско-го» – вызвало определенные подозрения, и текст решили обстоятельно вычитать. Большинство голосов академиков было принято решение в выступлении Миллеру отказать, а речь, уже напечатанную, уничтожить.

Ученик Миллера А.Л. Шлёцер также придавал большое значение критике источников. Обратив внимание на множество противоречий в разных списках русской летописи, он предположил, что виной тому были недобросовестные переписчики, и решил попытаться восстановить на основе всего корпуса рукописей изначальный текст Нестора. Этой работе он посвятил едва ли не полвека своей научной жизни. Первый том итогового труда «Русские летописи на древнеславянском языке» вышел в

год смерти Шлёцера, в 1809 г., а второй – еще через семь лет.

Помимо сличения списков русской летописи Шлёцер пытался установить происхождение зафиксированных в ней тезисов, привлекая к этому широкую номенклатуру зарубежных источников. Сопоставив данные византийских и европейских источников о дислокации различных славянских племен с данными о прохождении по этим территориям древних германцев (герулов, гепидов, лангобардов), Шлёцер впервые в истории четко очертил границы гипотетической славянской прародины: «местопребывание древних славян определится с довольною точностью, а именно: в треугольнике между Дуная и Теиса до Карпатских гор и за сии горы до Шлезии¹ [13, с. 134]. Напомним, что у Нестора речь шла о бассейне Дуная вообще, т.е. о весьма обширной территории от Шварцвальда до Черного моря.

Основываясь на «свидетельствах» летописца, Шлёцер пишет о свете цивилизации, принесенном на Русь просвещенными европейцами: «Русская история начинается от пришествия Рюрика и основания русского царства. ... Перед сею эпохою все покрыто мраком, как в России, так и в смежных с нею местах. Конечно, люди тут были бог знает с которых пор и откуда сюда зашли, но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, которые наполняли их леса, не отличавшиеся ни чем, не имевшие никакого сношения с южными народами, почему и не могли быть замечены ни одним просвещенным южным европейцем» [13, с. 418, 420].

Одним из первых противников норманнской теории был В.Н. Татищев. Он отмечал тенденциозность Байера, который «хотя в древностях иностранных весьма был сведом, но в русских много погрешал» [12, с. 93]. По мнению Татищева, история русских началась гораздо раньше, чем это изображает Нестор, а вслед за ним и пришлые немецкие ученые: «Подлинно же славяне задолго до Христа и славяно-руссы собственно до Владимера письмо имели, в чем нам многия древния писатели свидетельствуют и, во-первых, что обсче о всех славянах сказывается» [12, с. 93]. В текстах этих античных и средневековых авторов, по мнению Татищева, мы можем найти указания о местонахождении славянской прародины: «Ниже из Диодора Сицилийского и других древних довольно видимо, что словяне перее жили в Сирии и Финикии.

¹ Силезии.

... Перешед оттуду, обитали при Черном мори в Колхиде и Пофлагонии, а оттуду во время Троянской войны с именем генети, галли и мешини, по сказанию Гомера, в Европу перешли и берег моря Средиземного до Италии овладели, Венецию построили и пр., как древние многие, особливо Стрыковский, Бельский и другие, скажут. Следственно, в такой близости и сообществе со греки и италианы обитав, несумненно письмо от них иметь и употреблять способ непрекословно имели, и сие токмо по мнению моему» [12, с. 93].

Наиболее непримиримым борцом с норманистами был М.В. Ломоносов. Именно он организовал разбор торжественной речи Миллера и добился ее последующего запрета. Его оскорбляло, по словам российского историка В.А. Шнирельмана, «пренебрежительное отношение господствовавшей тогда в исторической науке немецкой школы, считавшей древних славян дикарями, которым германцы несли свет учености. В свою очередь немцам эта последняя концепция служила оправданием их экспансии на восток, покорения или даже уничтожения многих славянских общин в западных районах славянского мира. Так что научный спор имел серьезную политическую подоплеку» [14, с. 100].

Ломоносов посчитал своим долгом вступить за честь своего народа и доказать его право занимать равное с европейцами место в истории, а стало быть, и на мировой арене. Он с жаром обрушился на «Русскую грамматику» Шлёцера, где немецкий историк, доказывая происхождение русского языка от немецкого, возводил слово «князь» к *knecht* (холоп), «дева» – к *dieb* (вор) и *tiffe* (сука) и т.д. Последнее показалось Ломоносову особенно возмутительным, ведь слово «дева» «употребляется у нас почти единственно в наименовании Пресвятыя Богоматери» [4, с. 426]. За столь «противную здравому рассудку» и позорящую русских вольность русский академик припечатал немца хлестко: «Каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная в них скотина» [4, с. 427].

Независимо от Татищева, чья «История Российская» будет напечатана лишь в 1768 г., Ломоносов, вопреки летописным свидетельствам, находит истоки славянской истории в эпохе греческой архаики. Он утверждает, что «древнейшее всех преселение славян ... почитать должно из Азии в Европу» [3, с. 187]. Терри-

торией первоначального проживания ранних славян («венедов») Ломоносов считал Трою и Мидию.

После Троянской войны часть древних славян переселились на побережье Адриатического моря, другие же перешли через Кавказский хребет, заняли берега Черного и Азовского морей и отсюда продолжили экспансию на север. Эти славяне известны древним как роксоланы, они и были непосредственными предками русских². Само слово «россияне» произошло, по Ломоносову, от роксолан («россолан»).

Роксоланская земля, простиравшаяся, по указанию античных авторов, от Черного моря до Балтийского («Варяжского») и озера Ильмень, ныне населена русским народом, и это, по мысли Ломоносова, – дополнительный аргумент в пользу нашего родства с роксоланами. «Ибо никоею мерою статья не может, чтобы великий и сильный народ роксоланский вдруг вовсе разрушился, а после бы на том же месте, того же имени и того же языка сильный же народ вдруг проявился, а не был бы с первым одного происхождения» [2, с. 29]. Тот факт, что в иностранных источниках с IV по IX в. не упоминаются ни роксоланы, ни россы (руссы) Ломоносов объясняет редкостью в эти «варварские веки» писателей, которые могли бы удостоверить существование этих народов, а также отсутствием контактов с Византией в связи с захватом хазарами южнорусских территорий. Роксоланская теория окажется достаточно влиятельной и найдет себе последователей в лице В.К. Третьяковского, Ф.А. Эмина, а в XIX в. – Д.И. Иловайского, И.Е. Забелина и ряда других историков.

В исторической науке XVIII в. вопрос о славянской прародине еще не имел самостоятельного значения и решался в рамках более актуальной с точки зрения политической конъюнктуры проблемы происхождения древнерусского государства. Со времен Нестора этот вопрос был тесно связан и с попытками найти и определить место и роль славянских народов и конкретно русского народа в мировой истории. Открытия в конце XVIII–XIX вв. в области лингвистики и археологии, выработка методов исторической компаративистики придадут решению проблемы славянской (и, шире, индоевропейской) прародины подлинно научный характер. Появится целый ряд новых гипотез

² Эту идею Ломоносов основывал на данных Киевского синописа.

(центральноазиатская, «скифская», европейская, балтийская, арктическая и др.), многие из которых, впрочем, будут по-прежнему иметь политическую окраску – в силу специфики самого вопроса, накрепко связанного с поиском национальной идентичности и задачами конструирования национальной идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байер Г.З. Сочинение о варягах. СПб.: Императорская Академия наук, 1767.
2. Ломоносов М.В. Возражения на диссертацию Миллера // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 11-ти т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 25–42.
3. Ломоносов М.В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г. // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 11-ти т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 163–286.
4. Ломоносов М.В. Отзыв о «Русской грамматике» А.-Л. Шлёцера. 1764, августа // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 11-ти т. Т. 9. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 426–427.
5. Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674). М.: Европа, 2006.
6. Миллер Г.Ф. О происхождении имени и народа российского // Фомин В.В. Ломоносов. Гений русской истории. М.: Русская панорама, 2006. С. 366–398.
7. Младшая Эдда. М.: Наука, 1970.
8. Орбини М. Славянское царство. М.: ОЛМА Медиа групп, 2010.
9. Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М.: Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 1997. С. 151–464.
10. Повесть временных лет. СПб.: Наука, 1996.
11. Сказание о князьях Владимирских // Библиотека литературы Древней Руси: в 20-ти т. Т. 9. СПб.: Наука, 2000. С. 278–289.
12. Татищев В.Н. Собрание сочинений: в 8-ми т. Т. 1. История Российская. Ч. 1. М.: Ладомир, 1994.
13. Шлёцер А.Л. Нестор. Руския летописи на древле-славенском языке. Ч. I. СПб.: Императорская типография, 1809.
14. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

REFERENCES

1. Bayer, G.S., 1767. Sochinenie o varyagakh [Essay on the Varangians]. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya akademiya nauk. (in Russ.)
2. Lomonosov, M.V., 1952. Vozrazheniya na dissertatsiyu Millera [Objections to Müller's dissertation]. In: Lomonosov, M.V., 1952. Polnoe sobranie sochinenii: v 11-ti t. T. 6. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 25–42. (in Russ.)
3. Lomonosov, M.V., 1952. Drevnyaya Rossiiskaya istoriya ot nachala rossiiskogo naroda do konchiny velikogo knyazya Yaroslava Pervogo ili do 1054 g. [Ancient Russian history from the beginning of the Russian people to the death of Grand Prince Yaroslav the First or until 1054]. In: Lomonosov, M.V., 1952. Polnoe sobranie sochinenii: v 11-ti t. T. 6. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 163–286. (in Russ.)
4. Lomonosov, M.V., 1955. Otzyv o «Russkoi grammatike» A.-L. Shlyotsera. 1764, avgusta [Review of «Russian grammar» by A.-L. Schlözer. 1764, August]. In: Lomonosov, M.V., 1955. Polnoe sobranie sochinenii: v 11-ti t. T. 9. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 426–427. (in Russ.)
5. Mehta o russkom edinstve. Kievskii sinopsis (1674) [The dream of Russian unity. Kievan Synopsis (1674)]. Moskva: Evropa, 2006. (in Russ.)
6. Müller, G.F., 2006. O proiskhozhdenii imeni i naroda rossiiskogo [The origins of the Russian people and their name]. In: Fomin, V.V., 2006. Lomonosov. Genii russkoi istorii. Moskva: Russkaya panorama, pp. 366–398. (in Russ.)
7. Mladshaya Edda [The Prose Edda]. Moskva: Nauka, 1970. (in Russ.)
8. Orbini, M., 2010. Slavyanskoe tsarstvo [The Kingdom of the Slavs]. Moskva: OLMA Media grupp. (in Russ.)
9. Petreius, P., 1997. Istoriya o velikom knyazhestve Moskovskom [The history of the Grand Duchy of Moscow]. In: O nachale voin i smut v Moskovii. Moskva: Fond Sergeya Dubova; Rita-Print, 1997, pp. 151–464. (in Russ.)
10. Povest' vremennykh let [The Russian Primary Chronicle]. Sankt-Peterburg: Nauka, 1996. (in Russ.)
11. Skazanie o knyaz'yakh vladimirskikh [The tale of the princes of Vladimir]. In: Biblioteka literatury Drevnei Rusi: v 20-ti t. T. 9. Sankt-Peterburg: Nauka, 2000, pp. 278–289. (in Russ.)
12. Tatishchev, V.N., 1994. Sobranie sochinenii: v 8-mi t. T. 1. Istoriya Rossiiskaya.

Ch. 1 [Collected works: in 8 volumes. Vol. 1. Russian history. Part 1]. Moskva: Ladimir. (in Russ.)

13. Schlözer, A.L., 1809. Nestor. Ruskiya letopisi na drevle-slavenskom yazyke Ch. 1 [Nestor. Russian chronicles in the ancient Slavonic language. Part 1]. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya tipografiya. (in Russ.)

14. Shnirel'man, V.A., 2015. Ariiskii mif v sovremennom mire. T. 1 [Aryan myth in the modern world. Vol. 1]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 11.10.2023;
рекомендована к печати 12.01.2024*

